

Внутри дворца стояла тишина, но из-за этих слов кто-то зашевелился. Сюэ Я на мгновение растерялся, а когда двое схватили его за плечи и толкнули к ширме, привязав руки к резной перекладине наверху, он вдруг сообразил, что этот хлыст предназначен для него.

Он даже не успел опомниться и попросить о пощаде, как ему в рот затолкали кусок белой ткани, оставив лишь глухое мычание.

Наследный принц взял длинный хлыст, лежавший на нефритовом подносе, бросил на Сюэ Я холодный взгляд раскосых фениксовых глаз и с размаху ударил.

Хотя Сюэ Я и происходил из веселого дома, содержательница берегла его кожу, и до суровых наказаний дело никогда не доходило, так что только теперь он по-настоящему познал, что такое боль.

Не прошло и одного удара, как его лицо залилось слезами; после третьего ему показалось, что душа наполовину отлетела от тела; а когда опустился седьмой удар, он уже не мог шевелиться и был близок к тому, чтобы потерять сознание.

Принц мастерски владел кнутом: он бил спереди и никогда не задевал лицо, поэтому, хотя одежда Сюэ Я превратилась в лохмотья, личико осталось целым. Не успел он нанести девятый удар, как из-за пределов залы донеслись торопливые шаги.

— Ваше Высочество, императрица-супруга прислала людей передать кое-что.

Рука принца замерла, в глазах мелькнуло подобие радости. Он бросил окровавленный хлыст стоявшему рядом евнуху и мягким голосом спросил:

— Что там?

— Нефритовые пиалы с красными бобами и суфле. Императрица-супруга только что отведала немного, сказала, что вкус отменный, и велела доставить во Восточный Дворец, чтобы Ваше Высочество тоже отведали, — доложил прибывший.

Услышав это, принц тронул губы улыбкой:

— Отец знает, что я люблю сладкое.

С этими словами он бросил взгляд на всё еще привязанного Сюэ Я. Тот понурил голову, одежда его была залита кровью, и он неподвижно висел, словно уже испустил дух.

— Отведите его и оскопстите, — принц взял у евнуха поданный платок, чтобы вытереть руки, но, уже повернувшись, чтобы уйти, замер на месте. — Погодите.

Он снова посмотрел на Сюэ Я и неторопливыми шагами подошел к нему:

— Поднимите ему лицо.

Стоило прозвучать этому приказу, как евнух тут же исполнил повеление.

Сюэ Я был вынужден вскинуть голову. На его маленьком личике размером с ладонь застыли полные слёз глаза, дорожки влаги еще не высохли; заметив принца, он сначала испуганно сжался, а затем залился слезами, словно умоляя о пощаде.

Принц остался глух к мольбе, его взгляд опустился ниже:

— Одежду.

Придворный тут же шагнул вперед и сорвал с Сюэ Я всю одежду догола. Поскольку от недавних ударов ткань насквозь пропиталась кровью и прилипла к телу, теперь, когда ее сдирали силой, у Сюэ Я в глазах потемнело, и он даже плакать уже не мог.

Принц окинул его пренебрежительным взглядом и вдруг усмехнулся:

— Эта вещичка такая крошечная, какая разница, оскопляет его или нет? Ладно.

С этими словами он развернулся и ушел.

Сюэ Я пролежал на жесткой кровати полмесяца, и каждый день кто-нибудь приходил менять ему повязки. Лишь на восемнадцатый день он смог кое-как подняться на ноги и пойти. Стоило ему встать, как его тут же привели к принцу.

Вернее, теперь его нельзя было называть наследным принцем — этот человек стал новым императором.

Еще восемнадцать дней назад он думал, что тот — добрейшей души человек, но теперь понял, насколько черна у него душа, и при виде его перед глазами его вновь забила мелкая дрожь.

Цуй Линцзин только что взошел на престол, и на его плечи обрушилась гора дел. Лишь сегодня у него выдалась свободная минута, и, услышав от слуг, что Сюэ Я поднялся на ноги, он приказал привести его.

В этот момент он холодно оглядывал Сюэ Я, находя, что тот за последние дни еще сильнее исхудал и стал похож на маленького ягненка. Опустившись на колени, он обнажил хрупкую, ослепительно белую и нежную шейку, которую можно было сломать одним легким движением.

Почувствовав на себе взгляд, Сюэ Я снова вздрогнул, а затем уткнулся носом в пол, желая полностью раствориться и стать невидимым. Он-то думал, что несметные богатства уже близко, а оказалось, что его ждал лишь крошечный ад.

— Боишься Меня? — голос Цуй Линцзина звучал двусмысленно.

Сюэ Я сначала замер, а потом отчаянно затряс головой.

— Если не боишься, подними голову, — снова велел Цуй Линцзин.

Вся испуганно трепеща, Сюэ Я был вынужден подчиниться. Увидев это женственное, бледное лицо, он снова чуть не заплакал. Заметив слёзы, Цуй Линцзин легко улыбнулся:

— Чего ты плачешь? Я сегодня тебя не бил. Раз ты так любишь лить слёзы, неужто покойный император вечно наказывал тебя?

Сюэ Я изо всех сил старался сдержать рыдания, но страх перед стоящим перед ним человеком был сильнее, и слезы сами катились из глаз, так что ему оставалось лишь отрицательно качать головой.

— Ладно, хватит реветь, ревёшь — только Меня раздражаешь, — голос Цуй Линцзина стал чуть жестче.

Эта фраза возымела действие: Сюэ Я мгновенно унял слёзы. На его щеках еще блестели

дорожки влаги, смахнуть которые он не смел.

Заметив, что Сюэ Я замолк в ту же секунду, Цуй Линцзин слегка приподнял брови, найдя это забавным, подался вперед и подушечкой большого пальца внезапно стер слёзы с его щеки:

— Я только что взошел на престол, в стране объявлена амнистия, так что давай я и тебе прощу смертную казнь, а?

Сюэ Я остолбенел, а затем закивал.

— Смертную казнь отменяем, телесное наказание ты в прошлый раз уже претерпел, так что оставайся-ка служить в Моих покоях, идет?

В глазах Сюэ Я мелькнуло колебание, но росток жажды богатства вновь пробился сквозь землю. Он закусил губу и выдавил из себя осторожную улыбку:

— Можно?

Цуй Линцзин тоже улыбнулся:

— Конечно, можно.

Сказав это, он выпрямился и посмотрел на стоявшего рядом главного евнуха:

— Переодень его в евнухское платье, пусть отныне служит при Мне.

Главный евнух почтительно поклонился и велел увести Сюэ Я.

Одежда евнухов была невзрачной, темно-зеленого цвета, но Сюэ Я от природы обладал привлекательной внешностью. Хотя за последнее время он сильно исхудал, он по-прежнему оставался хорош собой, и даже в этом уродливом темно-зеленом халате выглядел много лучше остальных — притом что прислугу для личных покоев Цуй Линцзина отбирали с особым тщанием, и все они отличались красивыми лицами.

Переодевшись в евнухское платье, Сюэ Я смертельно боялся, что его все-таки оскоят. Проведя несколько дней в жуткой тревоге и обнаружив, что никто не приходит его кастрировать, он немного успокоился. А стоило ему перевести дух, как мысли его снова вернулись к тому, когда же ему позволят приступить к службе рядом с новым императором. С тех пор как Сюэ Я довелось один раз повидаться с Цуй Линцзином, его приставили к тяжелой работе — подметать полы. Вставать приходилось затемно, а мести нужно было так, чтобы на земле не оставалось ни единого опавшего листа. Если же где-то находили листву, лишали обеда.

Из-за этого Сюэ Я уже пропустил несколько приемов пищи, и его личико стало совсем крошечным.

Он не хотел вечно оставаться здесь и мести полы. Если изо дня в день придется заниматься только этим, уж лучше попытаться бежать из дворца и поискать иной путь к выживанию, чем то и дело терпеть голод. Однако место, где ему поручали мести, находилось далеко от императорских покоев, и, чтобы добраться туда, пришлось бы преодолеть по меньшей мере три суровых кордона.

Ледяные стражники с обнаженными мечами были первой преградой.

Стоило Сюэ Я взглянуть на этих охранников, как его охватывал ужас — куда уж там соваться, оставалось лишь продолжать мести. Провозившись так несколько дней, он наконец выбился из сил. Воспользовавшись тем, что небо еще не посветлело, а проверяющий евнух еще не явился, он бросил метлу и примостился вздремнуть у основания стены.

Прямо над тем местом, где он прикорнул, росло османтусовое дерево. Порыв ветра стряхнул цветы, и они осыпались прямо на Сюэ Я, усыпав его с головы до ног. Он погрузился в полудрему, пока чей-то пинок не вырвал его из сна.

— Ишь ты, спрятался тут, лентяй.

Голос Цуй Линцзина звучал лениво.

Увидев перед собой одного лишь Цуй Линцзина, Сюэ Я испугался, но вместе с тем удивился. Он торопливо опустился на колени и попытался исполнить недавно выученный поклон. Поскольку учился он всего пару дней, вышло неуклюже, да еще и шапка слетела с головы, заставив Цуй Линцзина пренебрежительно усмехнуться.

Насмешив Сюэ Я, Цуй Линцзин перевел взгляд на соседнее османтусовое дерево. Он посадил его в детстве, и в юные годы ему случалось лазать по его веткам. Сегодня утром, проснувшись, он вдруг захотел взглянуть на дерево, отослал слуг и отправился туда в одиночку, никак не ожидая поймать с поличным дремавшего лентяя.

В нынешней суете он почти позабыл о существовании Сюэ Я, но, бросив на него взгляд в лучах утренней зари, заметил, как светится его нежное, белое личико, и не удержался — подтолкнул парня ногой, чтобы разбудить.

Сюэ Я в испуге подхватил шапку, нахлобучил на голову и услышал голос Цуй Линцзина:

— Какую службу ты сейчас несешь?

— Подметаю, — ответил Сюэ Я.

Цуй Линцзин задумчиво помолчал:

— Больше мести не нужно. С сегодняшнего дня будешь прислуживать мне лично во внутренних покоях.

Услышав это, Сюэ Я несказанно обрадовался. Он невольно поднял голову и, как его учили в весёлом доме, расправил глаза и брови в манящей улыбке. Лишь закончив улыбаться, он

вспомнил, что перед ним не гость, а сам нынешний император, и торопливо опустил взгляд:

— Маленький слуга... раб повинуется.

Заметив улыбку Сюэ Я, Цуй Линцзин презрительно усмехнулся и повернулся уходить.

Теперь Сюэ Я мог прислуживать Цуй Линцзину вблизи, но на деле от него не было никакой пользы. Прислужников возле императора толпилось слишком много, и до Сюэ Я очередь вовсе не доходила — хоть это и называлось личным служением, ему не доверяли даже подавать таз с водой.

К тому же Сюэ Я смутно чувствовал, что окружающие евнухи смотрят на него косо. Поразмыслив над этим, он мысленно фыркнул, решив, что эти кастраты наверняка завидуют его целостности. Впрочем, фыркать фыркал, а угождать все равно приходилось.

Сюэ Я с детства рос в весёлом доме, а потому научился и с людьми говорить по-людски, и с нечистой — на ее языке; искусством подстраиваться под ветер он овладел в совершенстве. Первым, на кого он обратил внимание, стал Сюй Пиннань — приемный сын главного евнуха при Цуй Линцзине.

Сюй Пиннань был на несколько лет старше него, дела вел споро, но страдал пагубной страстью к азартным играм. К тому же везло ему редко, и он то и дело проигрывался в пух и прах. В один из таких дней, когда он вновь остался без гроша и кипел от негодования, Сюэ Я тайком увязался за ним.

На следующий день Сюэ Я вышел к игорному столу с двумя медными монетами, брошенными ему Сюй Пиннанем в качестве подачки, а когда игра закончилась, те превратились в сотню. Взгляд, которым Сюй Пиннань окинул Сюэ Я, мгновенно изменился. С тех пор Сюэ Я стал стоять за спиной Сюй Пиннаня и помогать ему в игре.

Сюй Пиннань еще никогда не выигрывал так легко и непринужденно. Развеселившись, он охотно пообещал замолвить за Сюэ Я словечко перед своим приемным отцом, и уже на третий день Сюэ Я получил работу — носить умывальную чашу для Цуй Линцзина.

В то утро Сюэ Я поднялся спозади, щедро намазал запястья и мочки ушей краденым османтусовым маслом в надежде, что Цуй Линцзин обратит на него внимание, но реальность жестоко его разочаровала.

Из приграничных земель пришли срочные военные донесения, и Цуй Линцзин даже не взглянул на него, наспех умылся и отправился на утренний доклад.

А поскольку Сюй Пиннань согласился помочь ему добиться аудиенции у императора лишь единожды, на следующий день таз с водой снова понес кто-то другой. Сюэ Я горько плакал от

обиды, думая про себя, что уж лучше бы его выгнали из дворца.

Однако покинуть дворец было невозможно, и Сюэ Я оставалось лишь продолжать докучать Сюй Пиннаню. Тот, устав от его неотступных просьб, наконец отмахнулся от него, поручив поручение:

— Ступай отнеси вещи нескольким вдовствующим императрицам.

Помимо Хэ Сюйланя, которого покойный император возвел в ранг императора-супруга, оставалось немало знатных наложниц. Цуй Линцзин, хоть и не приходился им родным сыном, относился к ним неплохо и временами отправлял им подарки. Что же до Хэ Сюйланя, туда Цуй Линцзин всегда ездил лично.

Сюэ Я безрадостно поплелся с остальными доставлять дары. Им предстояло пересечь императорский сад, но когда они прошли уже половину пути, шедшие впереди люди вдруг разом рухнули на колени:

— Рабы приветствуют Вдовствующую императрицу! Десять тысяч лет Вдовствующей императрице, долгих лет!

После восшествия на престол нового императора Хэ Сюйлань из императора-супруга был возведен в ранг Вдовствующей императрицы.

Сюэ Я плелся в самом хвосте процессии. Все его мысли были заняты лишь тем, как привлечь внимание Цуй Линцзина, поэтому, когда остальные опустились на колени, он продолжал стоять и, услышав титул Вдовствующей императрицы, даже глуповато задрал голову.

Стоило ему поднять взгляд, как он встретился глазами с человеком напротив.

<http://bllate.org/book/26141/3130821>